Когда мы с Леди Наган прошли обратно к остальным, к нам тут же метнулась Ля Брава.

— Хозяин, у той девчонки, — она указывала на Тсую, — животная причуда, так ведь?

— Лягушка, — коротко ответил я, чтобы Ля Брава побыстрее перешла к сути вопроса.

— Получается она физически сильнее, да ещё и прыгучая, — на лице миниатюрной женщины проступила неуверенность. — Меня обычные студентики чуть с себя не бросили, а она…

Теперь понятно, Ля Брава опасалась силы Тсую. Резонно, когда она начнёт набивание тату, студентка может просто скинуть её с себя. Лягушку нужно будет зафиксировать покрепче. У меня появилась странная мысль.

Я уверенной походкой подошел к голым девушкам. Когда они увидели, как я приближаюсь, то сразу же сделали шаг назад. Скорее непреднамеренное действие, чем осознанное. Над телом студенток возобладали страх и смущение. Всё же Всемогущий возвышался над ними как гигант, каждая была мне по пояс. Когда-нибудь я вот так же подойду к ним, спущу штаны и получу от троицы отличный минет. Когда-нибудь…

— Юная Асуи, напомни мне, насколько может вытягиваться твой язык? — нет, с минетом это никак связано не было. На этот раз.

— Около двадцати метров, Всемогущий, — я стоял вплотную к ней, так что девушке пришлось задрать голову, чтобы обратиться ко мне.

— Ого, — я присвистнул, — нам понадобится каждый метр твоего языка и прямо сейчас. Доставай его!

Она широко раскрыла рот и начала извергать из себя упругий бледно-розовый шланг. Я же подумал, что если Тсую поцелуется с кем-нибудь по-французски задействовав весь свой потенциал, то может убить несчастного.

— Готово, Всемогущий, — Тсую говорила весьма сносно для человека, у которого изо рта торчал двадцатиметровый канат. Видимо, сказались годы практики.

— Что насчёт его чувствительности? Я могу, — не договаривая, я схватил язык Тсую правой рукой и пощупал его.

Он был склизким, но в меру, просто так выскользнуть из него не получалось. На ощупь мягкий снаружи, но внутри имелась твердая мышца. Теплый, можно сказать пульсирующий. Уверен, при должном мастерстве я бы смог услышать через него пульс девушки. Удивительно, но он напоминал член, только без ярко выраженных вен и крайней плоти. Моя аналогия с французским поцелуем вдруг переросла в хентай с тентаклями. Если так подумать: причуда Тсую сущий кошмар и пытка, если использовать её язык как инструмент для изнасилования. Длина и гибкость позволят ему достичь самых дальних точек организма. Так мне нужно было успокоиться, а то я мог сорваться.

— Что чувствуешь? — спросил я, всё ещё держа язык Тсую.

— Ощущаю ваше прикосновение. Мне не больно и не щекотно, у меня вдоль языка куда меньше нервных окончаний и кожа огрубела, ведь я пользуюсь им как конечностью с рождения. Чувствительность есть только на кончике, так что с ним поосторожнее, — ответила лягушка.

Я взял лягушачий язык в обе руки, набрал его побольше и стал ходить вокруг Тсую, туго заматывая её собственный торс и руки. Люди онемели от увиденного, в тренировочном зале повисло молчание. Спустя пять мотков, я понял — этого должно хватить. Языка оставалось ещё порядочно, метров пять, не меньше. Частью обмотали кубы кушетки, а последний метр, я намотал себе на кулак. Иначе Тсую могла бы попытаться втянуть язык обратно. Соревнуясь же в перетягивании каната со Всемогущим, девушке вряд ли удастся сделать это так просто.

— Всемогущий, ты уверен, она же язык прикусит, — посетовала Леди Наган.

Я ещё разок крепко сжал язык Тсую в ладони, надавил как следует. Твердый и упругий кусок плоти не разорвался под моей хваткой.

— Наоборот, пусть закусит его как деревяшку, так легче будет перенести боль. В челюстях конечно мощные жевательные мышцы, только этот язык им фору даст в твердости.

— Ладно, делай как знаешь! — женщина сдалась. В этот раз она не находила себе места. Ведь когда мы уложили Тсую на кушетку, оказалось, держать её не надо. Языка вполне хватало, чтобы зафиксировать девушку.

— Тогда я приступаю, хозяин, — Ля Брава перехватила в правую руку машинку и уже собралась залазить на ноги Тсую. Я остановил её, махнув свободной ладонью.

— Не стоит туда лезть, понимаю тебе так удобнее будет, но не стоит, — я с опаской посмотрел на ноги лягушки. — Если она тебя в приступе боли лягнёт, нам придётся соскребать твоё тело со стены. С её-то силой прыжка. Лучше пододвинь куб сбоку и встань на него ногами.

Ля Брава так и поступила, возможность превратиться в мокрое место слишком уже испугала женщину. Машинка вновь включилась, приглашая немелодичным жужжанием к началу экзекуции. Нежная кожа в паховой области, плохо подходила для татуировок из-за близости костей и мышц, кровеносных сосудов, нервных окончаний, в конце концов эрогенных зон. Ля Брава начала набивать тату в брюшной области, там куда я указывал в самом начале, ниже уже начинался лобок Тсую — то место женщина не трогала.

Иголочки ушли под кожу аккурат рядом с пупком. Тсую слишком напрягла пресс, от того процесс шел туго с самого начала. Иглы не могли проникнуть на нужное сантиметровое расстояние, чтобы влить красящий пигмент в клетки кожи. Наверняка это лишь усилило и растянуло боль. Когда я бросил взгляд на лицо девочки лягушки, то удивился. Она только немного поморщилась. Вот это самообладание. Я вспомнил как при первой встрече в лагере, Тога порезала Тсую язык и та, так же спокойно отреагировала, лишь чуть-чуть скривившись.

И всё же от меня не скрылись другие факторы, говорящие о том, что ей действительно больно. Она не могла контролировать потоотделение, лоб и вески девушки взмокли, а челка пропиталась влагой и прилипла к коже. Слезы, которые уже наворачивались в её больших глазах тоже говорили сами за себя. И самое главное, челюсти Тсую со всей силы, прикусившие язык, на губах уже виднелись капли крови, стекающие из места укуса.

— Расслабься, иначе процедура заняться, — шепнула я ей на ухо. Расширенные зрачки девушки внимательно проследили за мной, со стороны это выглядело жутковато и немного возбуждающе.

Тсую выдохнула и даже выпустила язык из челюстной хватки. Возможно, сказывался повышенный болевой порог, всё же звериная причуда добавляла выносливости. Ля Брава наконец-то смогла вогнать иглы на нужную глубину. Наниты точечными ударами тока стали

уничтожать очаги нервных окончаний, чтобы в дальнейшем вплестись и закрепиться в новых клетках. Лишнее чернила стекали вдоль лобковой борозды, часть темной жидкости перемахивала её и впитывалась лобковыми волосами. Ну ничего, у Тсую и так были темные волосы там внизу, от чернил они темнее не станут.

Всё шло слишком уж хорошо. Ля Брава пообвыклась набивать тату под углом, я тоже слегка расслабился — и тут началось. Язык Тсую напрягся и дернулся вперед, как натянутая леска рыболовной удочки. Меня даже дернуло в сторону, настолько это был мощный толчок. Ноги девочки лягушки стали поджиматься в коленях и тут же пружинить обратно. Находись там сейчас Ля Брава с ней можно было бы попрощаться. Я намотал часть язык на предплечье и локоть, а затем потянул на себя. В противном случае Тсую бы высвободилась из пут. Кушетка сотрясалась от конвульсий обладателя звериной причуды. Ещё немного и кубы могут банально не выдержать ударов ногами. Ведь теперь Тсую стала барабанить пятками прямо по ним.

— Сколько там ещё! — рявкнул я в сторону Ля Брава. Она уже некоторое время как перестала набивать тату, лишь с ужасом смотря как Тсую пинками гнёт металл, под которым лежала. Большие глаза лягушки будто заволокло дымкой, она стала невменяемой и опасной.

— Я… — Ля Брава прочистила горло, — Нужно набить двойку, с нулем я успела справиться пока она ещё была вменяемой.

— Так поторапливайся, а не по сторонам смотри! — я уперся ногой в металлический куб у изголовья кушетки, чтобы получше перехватить язык девушки и восстановить устойчивость. Мне нужно было действовать максимально осторожно. С силой Всемогущего всегда можно переборщить, а вырывать Тсую язык под корень не хотелось.

Тогда я принял единственно, как мне казалось, верное решение. Пора было вырубить девчонку. Отмотав кусок язык от предплечья, я накинул его прямо на шею Асуи как веревку от виселицы. Затем потянул на себя, чтобы тугой моток плоти перехватил сонную артерию. Девушка стала захлёбываться в собственной слюне, скопившейся к тому времени во рту. Я же продолжал давить, не обращая внимания на квакающие звуки, доносящиеся из горла Тсую. От её лица стала отливать кровь, оно становилось всё более синюшным. Большие глаза стали казаться впалыми. А судороги ног всё так же продолжались. Я же надеялся, что рассчитал всё правильно и давил на нужное место, иначе был риск просто-напросто сломать ей шейные позвонки или убить мозг кислородным голоданием.

Маленькое тельце агонизировало у меня в объятьях. Тепло уходило из него. Огонёк её жизни гас прямо в моих ладонях. Я ощущал силу в любой момент прервать жизнь Тсую. Надо было только надавить чуть сильнее, до хруста. Мой стояк рвался из штанов, елозя по металлическому кубу, к которому я прижался. Нет ничего приятнее ощущения вседозволенности. Только усилием воли я смог сдержать свои деструктивные порывы в узде. Нижняя челюсть девушки оттопырилась, безвольно свисая на одних только сухожилиях — она потеряла сознание. Тело обмякло следом и только ноги ещё некоторое время конвульсировали в медленном танце, будто лягушку кинули в кипящую воду.

Ля Брава сняла с себя галстук-бабочку и расстегнула несколько верхних пуговиц на рубашке. С тяжелым вздохом женщина, взялась за воротник, опахивая себя холодным воздухом.

— Готово, хозяин, — она в последний раз прошлась мокрой салфеткой вдоль паха, убирая лишние чернила и показала результат работы. Над лобком Тсую красовался порядковый номер: «02».

Я выпустил из рук язык Асуи и тоже взял несколько салфеток, чтобы вытереться. Леди Наган к тому времени сгребла девочку с кушетки и положила рядом с еле оклемавшимися парнями. Шинсо, как и остальные двое, тоже уже пришел в сознание. В место, где им нанесли татуировку сейчас нельзя было посмотреть без боли. Жуткое покраснение начало проявляться на коже спустя некоторое время. Ребята, наверняка сейчас испытывали сильный зуд в костях и мышцах, такое происходит после сеанса татуирования. К этому надо добавить ещё и разрывающую, как открытая рана, боль от приживающихся внутри их тел нанитов. Любые попытки трогать или чесать места татуировки, Наган жестко пресекала. Сначала словом, затем и делом, колошматя парней тяжелым дулом винтовки. Что же, как говорят: одна боль заглушает другую.

Я перевел взгляд на двоих оставшихся девушек. Момо была шестой по номеру и её очередь ещё не пришла. Сецуна Токаге подрастеряла былую уверенности, после увиденного. Взгляд, что бил напрямик с искрой вызова, потупился под ноги. Руками она перестала упираться в бока, поза сменилась на более сутулую. Не каждый день ты становишься свидетелем удушение сокурсницы. Возможно, девушка даже не понимала, что Тсую выжила. Ведь мы ничего не сказали, только убрали её тело с койки.

— Юная Токаге, пришел твой черед. У меня уже есть кое-какие мысли поводу того, как удержать твою причуду под контролем, — жизнерадостно обратился я к ней.

— Не надо! Я не буду разделяться обещаю! — запаниковала девушка.

— Хоть ты и обещаешь, но мало кто сможет контролировать себя, когда ему так больно. Остальные не смогли. Сама посмотри: Асуи почти сломала кушетку. У тебя есть возможность разделяться — это проблема. Когда у нас есть проблема, надо думать как сделать её преимуществом, — высокопарно произнес я.

— Что вы имеете в виду, Всемогущий? — настороженно уточнила Токаге.

— Достань из себя лобок, можешь вместе с тазом, если не получается разделиться на такие маленькие кусочки. Ля Брава будет работать только с ним. Остальные части тебя мы сложим в мешок. Не волнуйся, я смогу удержать его. У тебя же нет клаустрофобии?

http://erolate.com/book/85/12361